

Ульянов М.

16/V-88

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

16 МАЯ 1987

Михаил Ульянов,
народный артист СССР,
председатель правления Союза театральных деятелей РСФСР

Искусство находится со временем в очень сложных отношениях. Мы знаем, что не всегда есть прямая зависимость между достижениями искусства и характером общественной ситуации. В самые трудные времена бывает, что появляются произведения гениальные, в которых воплощается опыт страданий людей. Бывает наоборот, когда время общественной динамики далеко не сразу порождает новые прекрасные создания искусства. Однако во все времена подлинный художник стремится познать жизнь людей такой, какова она есть на самом деле.

Прошло всего два года после апрельского (1985 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС. Многие, очень многое изменилось в обществе. Партия не только вынесла на всеобщее обсуждение самые сложные, нередко болезненные вопросы жизни, которые десятилетиями замалчивались. Страна стала эти проблемы решать. Изменилась, очистилась сама атмосфера жизни. Стало легче дышать, можно сказать, что мы проходим очищение правдой. Раскрепощается сознание, возрастает социальная активность людей. Огромный наш корабль сдвинулся с места. Да, это движение происходит медленно, потому что речь идет не только об изменениях в экономике, но и о самых трудных и самых сложных изменениях, которые связаны с общественным сознанием, с душой человека. Здесь сейчас происходит, если хотите, главная линия перестройки и, соответственно, главная линия театрального фронта.

Сегодня мы очень многого ждем от театров. Создаются новые условия для творчества. Многие театры вступили в эксперимент, освободились от мелочной регламентации, чиновной опеки. В это дело освобождения наших театров от административного вмешательства активно вступили и Союз театральных деятелей РСФСР. Теперь уже нас спрашивают: «Ну а где же прекрасные спектакли, где же наконец пьесы, в которых осмысливается новое положение дел, где полотно, отражающие ход перестройки?»

Прямо скажу, этих полетов пока не видно. После бурного, волнующего прошлого сезона, когда вышли «Серебряная свадьба», «Говори...», «Диктатура совести», нынешний сезон выглядит довольно тускло. Пришла пора оценить многие новые явления, к пониманию которых мы еще не готовы.

Тут было бы большой ошибкой опять, как в старые времена, начать подталки-

вать художников к поверхностному, быстрому и, как это часто бывало, иллюстративному отражению больших общественных событий. Не будем предугадывать и тем более указывать драматургам и театрам, каким должен быть результат их художественных исследований. Мы ждем от искусства не заранее известных решений, не готовых ответов, а правды, истины, которую только художник может почувствовать и выразить. Полная и бесстрашная правда о прошлом, правда о нашем обществе на протяжении всех семи десятилетий нужна нам для того, чтобы реально двигаться вперед, чтобы освободиться от всего того, что искажало социализм, и обрести те общественные идеалы и ценности, которые изначально питали коммунистическую идею.

СОЮЗ театральных деятелей взял на себя очень трудное право руководить творческой жизнью наших театров рядом и наравне с органами управления культурой. Секретариат ищет пути и методы, при помощи которых союз мог бы реально участвовать в руководстве театральной жизнью российских театров.

К сожалению, пока мы добились еще очень малого. Завалы, которые были созданы годами административного ведения театрального дела, мы пока расчистить не смогли и порой даже не знаем, с какой стороны к ним надо подступиться. Сегодня во многих наших театрах полыхают конфликты и междоусобицы. В одних театрах раскалываются труппы, в третьих — главный режис-

сер уничтожает актеров. В одних театрах, вступивших в эксперимент, уже начинают свободно дышать, сами решать вопросы своей репертуарной политики и хозяйственной деятельности. В других (часто в одном и том же городе) по-прежнему царствуют рутинизм, ремесло, а подчас и подчиненность внешней указке. И вот со всех концов необъятной России полетели крики о помощи. Телеграфируют нам из Ставрополя, Волгограда, Новгорода, Смоленска, Белгорода. Некоторые стали воспринимать театральный союз и его руководство как группу быстрого реагирования или особого рода пожарную команду, которая должна выезжать по первому же вызову и заливать из мощных брандспойтов пламя междоусобной брани.

Многие руководители союза, и я в том числе, к такой «пожарной» работе готовы не были. Мы срывались с места, мчались на зов, чтобы помочь, познать и поправить дело. Приведу пример. Вместе с О. Ефремовым, другим руководящими работниками союза и Министерства культуры РСФСР некоторое время назад мы поехали в Новгород. Положение там было угрожающим. Местное управление культуры запретило спектакль «Аукцион» М. Гараевой. В труппе — раскол, зрители в театр не ходят. Мы поговорили с режиссером и актерами, встретились с работниками управления культуры, повстречались с первым секретарем областного комитета партии. Что же выявилось? Выявилась типичная, чрезвычайно характерная для всего состоя-

ния нашего театрального дела болезнь. Я бы назвал ее болезнью насильственного соединения творческих людей, судьба которых вдобавок безраздельно отдана во власть администрации.

В течение многих десятилетий мы открывали театры сверху, а не снизу. Открывали по плановой разнарядке, а не по воле художников. Мы назначали главных режиссеров из центра, не ведая ни характера города, где ему предстоит работать, ни особенностей труппы, с которой ему придется сотрудничать. Мы рекомендовали их по телефону, сортировали, как хотели, судили по анкетам, часто выдвигая серых и бесталаных за счет дерзких, непослушных и одаренных. А если в театр попадал и одаренный человек, то он порой начинал бесконечную борьбу с определенной частью труппы, окопавшейся в этом городе и метлой снайперской пальбой сразившей уже десятки главрежов и директоров. Руководители же местных органов управления культурой считали, что их главное дело заключается не в создании условий для полноценной работы театров, а в успешном контроле за художественной деятельностью. В Новгороде мы воочию увидели, как трудно идеи перестройки театрального дела овладевают массами. Эти идеи сюда еще не дошли, как в тот гоголевский город, где правил городничий.

Новгородскую ситуацию можно рассматривать как модель тех проблем, с которыми сталкиваются многие наши театры независимо от их ранга — от Художественного театра или ТЮЗа в Москве

до любого маленького городского коллектива. Болезнь захватила большое пространство, надо понять ее причины. Одна из них в том, что мы сумели утвердить только один тип стационарного театра, созданного по мхатовскому образцу. Мы всегда полагали, что модель репертуарного театра, имеющего долговременную творческую программу, созданного крупным режиссером-лидером, прекрасна. Она действительно прекрасна. Но что же делать десяткам и сотням наших театров, которые не имеют никакой реальной творческой программы, потому что десятилетиями не имели и не имеют во главе не только режиссеров-лидеров, но и просто профессиональной режиссуры, способной удовлетворительно ставить спектакли?

Значит, уже сегодня, сейчас мы должны продумать не только меры по оздоровлению того или иного коллектива, но стратегию развития всей театральной системы в целом. Тут не отделишься эволюцией и полумерами. Тут нельзя, не считаясь с реальностью, продолжать строить то театральное здание, которое строили несколько десятилетий, ничего в нем по сути не меняя. Нужно взять все лучшее, что создано за эти годы, ничего хорошего не забыть и не выбирать. Но с той же степенью ясности надо осознать, что нам нужны сегодня разные типы театров, нужны гибкая система рождения новых театральных организмов и столь же гибкая, бесстрашная система ликвидации или реорганизации творчески исчерпавших себя, больных театральных коллективов.

Сегодня актеры говорят открыто о своих проблемах, и это — великое завоевание вре-

мени. Нельзя, однако, чтобы гласность оборачивалась разрушением театра, нельзя, чтобы вопросы искусства решались голосованием, нельзя чтобы любители подметных писем травили тех, кто действительно трудится и занят делом.

И здесь огромная ответственность ложится на плечи руководителей театрального союза, его местных организаций. Надо определенно высказывать свое отношение к тому, что происходит в театрах. Что хорошего, например, можно сказать о руководителях правления Волгоградской организации союза, которое фактически самоустранилось от решения того глубокого кризиса, который существует уже много лет в Драматическом театре и ТЮЗе? Комиссия секретариата союза выезжала в Волгоград, в результате появилась статья в «Советской культуре». А местная организация молчит. Более того, в ответ на статью в Волгоградском театре провели собрание и без малейшей самокритики, серьезно не проанализировав ситуацию, послали письма-опровержения во все инстанции. Так смыкаются позиции некомпетентности — органов управления культурой этого города и местной организации Союза театральных деятелей.

Сложная ситуация сложилась и в Свердловском театре оперы и балета, где районные руководители не захотели поддержать талантливых режиссеров и дирижера, своей профессиональной требовательностью возбудивших недовольство наиболее консервативной части хора. Кон-

в своей профессии или потенциальную способность к полноценному творчеству. Столь же важно, чтобы в ходе театрального эксперимента деятели театра действительно начали учиться основам демократии и самоуправления. Прежде всего надо заметить, что демократия — это не анархия, а определенная система управления. Она предполагает реальное участие коллектива людей в определении своей судьбы. Работа тут предстоит огромная, потому что само понятие демократизации по отношению к искусству театра — явление чрезвычайно неоднозначное и сложное.

Сегодня же, это надо прямо сказать, театр нередко уподобляется волынщику. Стенки Разина. Демократия оборачивается демагогией, защита социальных прав никак не вяжется с правом таланта, занятость актеров не совпадает с желаниями зрителей. В одном театре отказываются получать зарплату, в другом пытаются объявить ультиматум, в третьем — грозят голодовкой. Как мы должны относиться к подобным конфликтам, охватившим немалое число театральных коллективов? Прежде всего, если так можно сказать, с чувством исторического спокойствия, понимания причин сложившейся ситуации. Половолье чувств, актерские эмоции надо направлять в здоровое русло. Ведь в конце концов большинство актеров добиваются только одного права — права на полноценное творчество.

Сегодня актеры говорят открыто о своих проблемах, и это — великое завоевание вре-

мени. Нельзя, однако, чтобы гласность оборачивалась разрушением театра, нельзя, чтобы вопросы искусства решались голосованием, нельзя чтобы любители подметных писем травили тех, кто действительно трудится и занят делом.

И здесь огромная ответственность ложится на плечи руководителей театрального союза, его местных организаций. Надо определенно высказывать свое отношение к тому, что происходит в театрах. Что хорошего, например, можно сказать о руководителях правления Волгоградской организации союза, которое фактически самоустранилось от решения того глубокого кризиса, который существует уже много лет в Драматическом театре и ТЮЗе? Комиссия секретариата союза выезжала в Волгоград, в результате появилась статья в «Советской культуре». А местная организация молчит. Более того, в ответ на статью в Волгоградском театре провели собрание и без малейшей самокритики, серьезно не проанализировав ситуацию, послали письма-опровержения во все инстанции. Так смыкаются позиции некомпетентности — органов управления культурой этого города и местной организации Союза театральных деятелей.

Сложная ситуация сложилась и в Свердловском театре оперы и балета, где районные руководители не захотели поддержать талантливых режиссеров и дирижера, своей профессиональной требовательностью возбудивших недовольство наиболее консервативной части хора. Кон-

фликт разгорался, дело дошло, как и бывает в подобных случаях, до клеветнических измышлений и инсинуаций в адрес постановщиков. Вмешалась «Советская культура», вмешался наш союз. Но еще раз хочу подчеркнуть — без совместной четкой позиции союза, его местных организаций, местных партийных и государственных органов нам эти конфликты не разрешить.

Как ввести бушующие страсти в какие-то берега? Прежде всего не стоит пугаться и слушать тех, кто хотел бы использовать перемены демократического процесса для дискредитации самой идеи демократии применительно к театру. Наберемся терпения, пусть выскажутся до конца актеры, пусть режиссеры определят свою позицию. Но в какой-то момент надо принимать решения с точки зрения высших интересов искусства, социальной и нравственной справедливости, художественной целесообразности.

Я же хочу сказать одно: гласность никогда еще не приводила к катастрофе и к пропасти, а вот безгласие, отсутствие подлинной демократии к такой пропасти подводит довольно быстро. И горький опыт у нас в этом большой и неизбежный. Будем идти намеченным путем. Наши доказательства мы можем представить только сами себе. И с каждого из нас спросится. Не будем бояться свежего ветра: он сдует все наэносное, пустяковое, мелкое. Ясно уже, что процесс демократизации не будет гладким и ручным. «Демократия приходит «опоясанная бурей», — заметил Блок. Это так и есть, если речь идет об истинной демократии. Иметь в безответственности легче, чем отвечать за каждый свой шаг и рисковать. Но другого пути нет. Ни для страны, ни для каждого из нас.

острых и страстных дискуссий. На повестку дня поставлены все коренные вопросы нашей жизни, нашего мышления, нашего понимания самих себя.

Перечитайте Обращение Центрального Комитета партии к советскому народу в связи с 70-летием Октября: какие поразительные интонации, какое мужество в определении того, что мы пережили, какая вера в то, что мы сумеем решить проблемы страны на поворотном этапе ее исторической судьбы. Но в жизни не так все просто. Кто-то из наших бывших коллег требует все время доказательств, что перестройка задумана серьезно. Кто-то из наших настоящих друзей пугает, что фонарь гласности поставлен над пропастью.

Я же хочу сказать одно: гласность никогда еще не приводила к катастрофе и к пропасти, а вот безгласие, отсутствие подлинной демократии к такой пропасти подводит довольно быстро. И горький опыт у нас в этом большой и неизбежный. Будем идти намеченным путем. Наши доказательства мы можем представить только сами себе. И с каждого из нас спросится. Не будем бояться свежего ветра: он сдует все наэносное, пустяковое, мелкое. Ясно уже, что процесс демократизации не будет гладким и ручным. «Демократия приходит «опоясанная бурей», — заметил Блок. Это так и есть, если речь идет об истинной демократии. Иметь в безответственности легче, чем отвечать за каждый свой шаг и рисковать. Но другого пути нет. Ни для страны, ни для каждого из нас.